

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ**

Орган ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. Ермилова, Н. Колесниковой, Т. Кострова, Г. Лебедева, Н. Огнева, А. Селивановского, Д. Ханина

Ответств. редактор: Т. Костров

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Москва, Новая площ., 6. Телефон 1-89-13

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

М А Й

Год издания восьмой

Содержание

Н. Огнев — Три измерения Калерии Липской, повесть (продолжение)	2	И. Вардин—О правде однобокой и слепой.	85
Дмитро Загул—Воспоминание, стихи	12	В. Петров—Из записок активиста	93
И. Сельвинский—Командарм 2, трагедия (окончание)	13	СОВЕТСКИЕ ДНИ:	
А. Ясный—Песня изгнанника, стихи	35	Конденсированная героика—А. Липкина. Советская фреска—Ф. Рогинская. Фабрика книги—И. Кордэ. Крестьяне о писателях-современниках—В. Гоффеншефер.	95
В. Ставский—Убийство, рассказ	36	КРИТИКА БИБЛИОГРАФИЯ:	
Николай Дементьев—Монолог по радио, стихи.	43	Юрий Тынянов и проблема исторического романа—В. Гоффеншефер. Творческие пути пролетлитературы—А. Селивановский	108
Г. Смольяков—Казачка, стихи	44		
Дина Лейхтер—Попутный ветер, повесть.	45		
А. Маймин—Пятилетка решающих боев.	62		
В. Ломинадзе—Полемиические заметки	68		
А. Мартынов—Шесть пунктов спора	80		

О правде однобокой и слепой

Артем Веселый написал «полурассказ» под выразительным заглавием: «Босая правда». Босая ли, обутая ли, суть не в этом, — суть в том, что из-под пера писателя-партийца вышла «правда» слепая, уколобая, «правда», объективно враждебная пролетарской революции. Артем Веселый дал нам пронизанную ненавистью «правду» мелких собственников, не получивших от революции того, чего они хотели получить.

«Полурассказ» ведется от имени группы бывших партизан красного фронта. Автора формально не видно. Но именно потому, что автор «от себя» не говорит ни единого слова, — именно потому он отвечает за каждое слово, за каждую мысль своих героев. Мы в праве так поставить вопрос тем более, что авторская квалификация вещи, как «полурассказа», подчеркивает ее сугубо-публицистический характер.

В первых же строках «полурассказа» читаем: «Надо открыто сказать правду — в жизни нашей больше плохого, чем хорошего». А кончается «полурассказ» словами: «Ежели таковые и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит». Вся вещь в целом посвящена доказательству той мысли, что все прогнило, что «закомиссарились прохвосты, опьянели властью», а люди, делавшие революцию и, очевидно, способные вести ее по правильному пути, решительно отброшены от «руля», и нет никакой надежды, что республика наша когда-нибудь залечит свои раны. Вывод? Он напрашивается сам собой: надо начинать сначала, надо делать новую революцию.

Но кто ее хочет делать и во имя чего? Устами каких героев говорит столь грозные вещи Артем Веселый?

Красные партизаны пишут письмо своему старому командиру Михаилу Васильевичу, работающему в Москве, или, говоря словами

мнимых «авторов письма», занимающему «хорошую должность». Они подчеркивают, что их «горе заставило писать». Какое именно горе? Горе старых партизан, которые не имеют «хорошей должности», которые ходят «голые и босые». Вот об этих партизанах и рассказывают авторы «босую правду».

Пулеметчик Семен Горбатов заходит в профсоюз просить работу. Между работником профсоюза и Горбатовым происходит такой диалог:

— Какая твоя, гражданин, специальность?

— Я не гражданин, а товарищ... Восемь огнестрельных и две колотых раны на себе ношу, кадетская пуля перебила ребро, засела в груди и до сего дня мне сердце знобит.

— О ранах пора забыть, никому они не интересны. У нас мирное строительство социализма. Какая твоя, гражданин, специальность?

— Пулеметчик, — тихо ответил герой, и сердце его заняло от обиды.

— Член профсоюза?

— Нет.

— Ну, тогда и разговор с тобой короток. Во-первых, таковая специальность нам не требуется, во-вторых, у нас много членов безработных, а ты не член».

Остановимся пока на этом. Как видит читатель, Артем Веселый дает картину *непримиримого* противоречия, столкновения, враждебности. Писатель конструирует *безвыходное* положение.

Нужен ли профсоюзу пулеметчик? Ясно, что не нужен. Обязан ли профработник спрашивать о специальности всякого, кто к нему обращается за работой? Обязан. Но самый профсоюз в «полурассказе» Артема Веселого олицетворяет «какая-то вот с таким рылом стерва, которую мы не добились в 18 году». Раз в профсоюзе сидит «стерва», то естественно, что он ведет действительно «стервозный» разговор о том, что «о ранах пора забыть, никому они не интересны». Язык

этот, конечно, контр-революционера, — о ранах мы забыть не смеем. Красные партизаны вообще, партизаны с ранами в особенности, заслуживают особых забот, особого внимания.

Но какую ситуацию создает Артем Веселый? Устраните гнусный разговор о ранах, и все-таки останется вопрос: «Какая твоя, гражданин, специальность?» От этого вопроса профсоюз отказать не может, а пулеметчик Горбатов именно этот вопрос объявляет «нахальным», он о профессии разговаривать не хочет, он требует работы как пулеметчик. В итоге создается безвыходное положение, получается непримиримое противоречие между нашей системой и интересами партизана Горбатова.

Существуют ли в жизни извращения в нашей профсоюзной, советской, партийной работе? Конечно, существуют, и от этих извращений страдают все трудящиеся, в том числе и бывшие партизаны. Но существует ли противоречие, непримиримое противоречие между нашей профсоюзной, советской, партийной системой и интересами трудящихся, в том числе партизанами? Такого противоречия нет, его искусственно создает в своем «полурассказе» Артем Веселый.

Пулеметчик Горбатов неправ, когда ищет работы в профсоюзе в качестве пулеметчика. Он неправ, когда на все вопросы профработника отвечает ссылками на свои боевые заслуги. Пулеметчик нужен на фронте, в армии, милиции, в погранохране, но не нужен на заводе, на фабрике. Это факт, это может и должен понять всякий, в том числе и старый партизан.

Война кончилась восемь лет тому назад. Это достаточное время для того, чтобы всякий сохранивший способность к труду выбрал себе какую-либо специальность — военного ли, рабочего, крестьянина, — все равно. Тот, кто стал инвалидом, должен обращаться не в профсоюз, а в другие учреждения. Инвалиды красного фронта, в том числе красные партизаны, не брошены советской властью на произвол судьбы, нет тут безвыходного положения, нет непримиримого столкновения. Оно недобросовестно выдуманно писателем. Недобросовестность в данном случае заключается в том, что писатель приводит своего героя туда, где он помощи, при отсутствии специальности, явно получить не может. А когда помощь, действительно, не получается, автор, чтобы усилить впечатление, чтобы еще более подчеркнуть «трагизм положения», сообщает: у пулеметчика «сердце заныло от обиды». Но чем вызвана обида? Тем, что профсоюз — не потому, что там сидит

«стерва», а потому, что это профсоюз, а не мобилизационный отдел армии, — не может дать работы пулеметчику!.. Послушаем продолжение диалога между пулеметчиком и профработником:

— Куда же нам, старым, деваться, ежели не всех нас перебила белая контр-революция?

— Профсоюз не богадельня.

— А скажите, сколько у вас в трестах и канцеляриях сидит кумовьев и своячениц?

— Не мешайте, гражданин, заниматься.

— Значит, — с бессильным презрением говорит Семен Горбатов, — вы смотрите на меня в моем отечестве хуже, чем на пасынка?

На эти слова он не получил ответа и голодный ушел от порога профсоюза.

Отбросим в данной обстановке по меньшей мере бестактное слово «богадельня». Представим, что с Горбатовым разговаривает честный, тактичный рабочий. Что же он, в конце концов, может сказать пулеметчику? Он может сказать только то, что пулеметчики как пулеметчики профсоюзу не нужны, а помощь инвалидам оказывает специальное советское учреждение. Разве это означает, что профсоюз смотрит на старого партизана «хуже, чем на пасынка»? Откуда это получается? По какой логике?

Или ссылка на «кумовьев и своячениц». Есть они в наших учреждениях? Есть. Их нужно беспощадно оттуда изгонять, и рабочий класс эту работу проводит, — советские учреждения станут подлинно советскими и по составу своих работников. Но значит ли это, что «кумовьев и своячениц» нужно заменять людьми, не имеющими никакой профессии, кроме пулеметчика? Ведь наши учреждения должны работать, должны обслуживать нужды всех трудящихся, и тут, наряду с преданностью и добросовестностью, требуется еще знание и умение. Если партизан-пулеметчик научится работать, он будет поставлен на работу в первую очередь. Но если он требует должности только потому, что у него раны, то, ведь, так мы никогда не наладим нашего аппарата!

Трудно ли все это понять? Как будто не особенно трудно. Признать справедливость этого элементарного соображения — значит ли создать безвыходное положение? Ни в каком случае!

Так почему же писатель-большевик поставил в такое непримиримо-враждебное отношение профсоюз, а вместе с ним фактически и советы, и партию — с одной стороны, и старого партизана — с другой? Почему подчеркивает он злую, враждебно-тенденциозную фразу о том, что пу-

леметчик «голодный ушел от порога профсоюза»? Пришел туда «голый и босый», а ушел «голодный»! Неужели не ясно, что автор нарочито создает положение непримиримой враждебности, чуждости, злобы, недоверия, даже ненависти? Ведь, Горбатова бесит даже слово «гражданин»! И заметьте, ненависть вызвана не тем только, что в профсоюзе оказалась «стерва», — ненависть относится *ко всей системе*, и наличие «стервы» фактически выводится *тоже из системы*. И получается впечатление, что такую систему не только за сто лет, но и за тысячу лет не залечишь.

Пулеметчик Горбатов пришел в непримиримое столкновение с нашим профсоюзом и через него всей нашей системой партийно-советских отношений. Командир эскадрона Сычев уже прямо приходит в столкновение с партийной организацией. Сычев в 1921 году вернулся с фронта на родину «чтобы *поправить здоровье и разоренное хозяйство*, но хозяйства никакого не оказалось». Сычев — член партии, и вот «принялся он *в силу партдисциплины побивать бандитов*». Банды были ликвидированы, и Сычев «за *неимением капиталов* пошел батрачить». Партийные собрания посещал тайком от хозяина, но тот в конце концов дознался и выгнал его. Сычева назначили сторожем при исполкоме. Но на пасху — «как большой любитель церковного звона, залез он на колокольню и для веселья сердца позвонил в колокола». Его исключили из партии. Но Сычев — с большими боевыми заслугами, в бога не верует. Неграмотный. Друзья его апеллировали в райком. Оттуда — ни звука.

Кто такой Сычев? Он мелкий собственник. Его цель — после войны «поправить разоренное хозяйство». Это не удастся. Тогда он некоторое время «бьет бандитов». Бьет «в силу партдисциплины», — подчеркивает автор; видно, сам Сычев не особенно понимал необходимость продолжения «борьбы с бандитами». Если бы у него «капиталы» нашлись, он, вероятно, «поправлял бы здоровье и хозяйство», а борьбу с бандитами предоставил бы другим.

Нужно ли было исключать из партии из-за церковного звона? Вряд ли. Но все же несомненно одно: Сычев по возвращении с фронта не сделал шага вперед, не понял новых задач, стоящих перед революцией, — он пошел по нисходящей линии. Он даже сторожем оказался плохим. Но что с ним делать партии и революции? Ведь, новую работу нельзя делать, новые задачи нельзя решать, вспоминая «атаки под Лискаами»,

героические действия Сычевского эскадрона «на Польском фронте». Новая обстановка требует нового героизма в новых формах. Этого не понял Сычев, этого — увы! — не понял писатель-большевик Артем Веселый...

От] | большой [|семьи] вахмистра] Бабенко осталась в живых одна старуха Печониха. «Мужа и сыновей она потеряла на фронтах», дочь на ее глазах «занашиловали казаки до смерти». А ныне Печониха «выпрашивает милостыню у тех же богатеев-казаков, которые занашиловали ее дочь и загнали в могилу мужа и двух сыновей». Помощи она не получает ни откуда: «ни один сукин сын не захотел войти в ее несчастье».

Положение ясно. Перед нами — картина прямой, злостной враждебности к жертве гражданской войны. И виновато в этом, по мнению писателя, не то или иное извращение — виновата сама система, самый порядок, весь строй отношений.

Или вот другой пример — «наш уважаемый старичок Черевков, израненный в схватках лихих за совет». Он ослеп, а помощи — никакой. Ночует где придется и кормится кое-как. Над ним издеваются: «довоевался», мол! А «авторы письма», т. е. автор «полурассказа», писатель-большевик, ставит вопрос:

«Кто топчет надежды наши? Или разливали мы кровь свою ни за что?»

Вопрос поставлен основной, решающий и в связи с чем? Если даже допустить, что в истории с «нашим уважаемым старичком Черевковым» нет преувеличений, что тут действительно происходит безобразие, то неужели это является основанием для того, чтобы брать под сомнение итоги революции, потрясшей и потрясающей весь мир? Неужели можно видеть трагедию Черевковых, Сычевых, Горбатовых, и не видеть того, что при невероятных трудностях, в борьбе с могущественным мировым врагом, строится новый мир, поднимаемся на новую высшую ступень?

«Кавалер золотого оружия Федор Подобедов был отстранен] «по несоответствию» от командования бригадой еще в 1920 году, т. е. еще в эпоху гражданской войны! «Авторы» письма, т. е. автор «полурассказа» Артем Веселый, оспаривают правильность решения Реввоенсовета, принятого в 1920 году. Значит, еще в то время не все было благополучно! Ну, конечно, какой партизан не знает, что «штабы» всегда, всякие «штабы» вообще более или менее «контр-революционны!»

Артем Веселый уверяет, что Федор Подобедов вполне «соответствовал», ибо:

«Кто первым выступил на защиту молодой советской власти?.. Кто, не жалея здоровья и не щадя жизни, гонялся по камышам за казаками-повстанцами?.. Кто под Фундуклеевкой вырубил три сотни махновцев? Федор Подобедов со своей бригадой. *Он хотя и неграмотный*, но многие ученые генералы и бандиты не знали, куда от него бежать».

Пока бушевала стихия, пока не было организованной армии ни у красных, ни у белых, пока обе стороны в той или иной степени партизанили,— неграмотный командир полка или даже бригады, поднятый наверх стихией массовой борьбы, в основном направляемый и «питаемый» этой стихией — еще был мыслим. Но когда армии построились, когда мы пришли в прямое столкновение с высокоразвитыми в промышленно-военном отношении странами,— оставлять на посту комбригов людей неграмотных значило губить дело. Артем Веселый с этим несогласен. Он считает, что Подобедова зря сняли с поста комбрига, поступили с ним несправедливо. И когда? В эпоху гражданской войны! Ясно, что в дальнейшем с Подобедовым было поступлено еще хуже. Его назначили... базарным смотрителем. Но — сообщает автор — Подобедову, «как мужчине красивому и молодому, стыдным показалось расставлять в порядок возы и собирать сторговок гривенники». Подобедов с горя запил. Через некоторое время его назначили в терчасть завхозом. Здесь он пропил двух казенных лошадей. Он попадает в тюрьму. Следователем перед ним предстает бывший белый офицер Евтушевский. Подобедов во время следствия убивает Евтушевского и бежит в горы. Но бежит не один, а с целой группой бывших партизан. «Авторы письма», т. е. автор Артем Веселый, приводят длинный список «обиженных бойцов», которые ушли в горы вместе с Подобедовым. Банду разбили, «но самого Подобедова так и не удалось взять. Недавно из Турции прислал он брательнику письмо: *клянет советскую власть и сообщает, что с курдами ему и то жить приятнее*».

Кто виноват? Кто погубил Подобедова? Ответ автора «полурассказа» совершенно ясный: виновата система, виновата советская власть, которая еще с 20 года преследует прекрасного бойца и командира. Но что должна была делать советская власть? Оставить Подобедова во главе бригады? Но этого нельзя было делать. Дать ему какую-либо другую «хорошую должность»? Но «должности» нельзя давать в память о за-

слугах,—работать нужно уметь, а Подобедов работать не только не умел, но и не хотел учиться. Далее, почему должность надзирателя нашего рынка «стыдная» должность? И может ли советская власть считаться с тем, что Подобедов «красивый мужчина» и что ему не очень удобно «фасонить» в должности надзирателя? Ну, конечно, комбриг — куда более подходящая штука для «красивого мужчины»! Но нельзя же по признаку «красивости» формировать наш комсостав!.. Должность завхоза территориальной части — чем она плоха? Почему здесь не может работать революционер?..

Артем Веселый прощает своему герою все, между тем как он не заслуживает никакого снисхождения. Этот поднятый народной стихией человек постепенно стал прямым врагом пролетарской революции. Среди курдов, т. е. в стране *феодальной*, ему, извольте ли видеть, приятнее жить, чем в стране Советов! Не ясно ли, что перед нами — человек со средневековой психологией, бесконечно далекий от нового мира, от социализма, от тех великих задач, которые стоят перед нашим рабочим классом?

Советская власть не отталкивала от себя Подобедовых. Это видно даже из «полурассказа» Артема Веселого. Но Подобедовы отталкивались от советской власти, они не принимали во внимание ее интересов, они плевали на ее законы, они пренебрегали обязанностями советского гражданина, и совершенно естественно, что очутились в лагере непримиримых врагов пролетариата и его революции. А «наш» писатель преподносит нам этого врага в качестве героя, которого преступно погубили! Подобедов в Турции — «горько и прискорбно», — замечают от себя «авторы письма», т. е. писатель-большевик Артем Веселый. А понимать это замечание можно только так: «горько и прискорбно», что революция приняла такой скверный оборот, когда прекрасные революционеры вынуждены сначала уйти в лес, а затем и вовсе эмигрировать из страны Советов. Не ясна ли та политическая установка, которая всем этим дается? Не очевидно ли, что Артемы Веселые становятся на сторону Подобедовых и других подобно ему «обиженных бойцов», — против всей системы пролетарской диктатуры?

«Боец Егор Марченко живет попрежнему в своей бедной хижине, так как *дворца ему не досталось*, хотя и много покорила он земель и городов. Живет с той лишь разницей, что раньше было у него хотя и небольшое, но свое хозяйство, а ныне в погоне за куском хлеба

ходит в плотничьей артели... *Оглянешься назад, вспомнишь, сколько мы страху приняли, сколько своей и чужой крови пролили, — и чего же добились?»*

Перед нами — типичное рассуждение мелких собственников. Но «авторы письма» именуют себя «рядовыми коммунистами». Но писатель, считающий себя большевиком, точку зрения мелкого собственника художественно обобщает, заостряет и преподносит нам как подлинное слово пролетарского революционера!

Чего требуют «авторы письма» для Егора Марченко? Слова о «дворце», понятно, не могут быть поняты буквально. Но приличный домик в награду за боевые заслуги — это они, несомненно, считают справедливым. А тут приходится работать в артели. С нашей точки зрения артель по сравнению с мелким индивидуальным хозяйством — прогресс. С точки зрения «авторов письма» работа в артели является показателем того, что зря «чужую и свою кровь проливали». Раз нет своего домика — стало быть, ничего не добились!

Нельзя винить мелкого собственника за то, что он рассуждает, как мелкий собственник. Но если этот мелкий собственник — член партии, тогда совсем иначе стоит вопрос. И уж во всяком случае писатель-коммунист обязан вскрывать с точки зрения пролетарского революционера мелкобуржуазные взгляды и настроения, но ни в коем случае не выступать в качестве идеолога, обобщающего и заостряющего эти взгляды и настроения.

Обратите внимание, как в «полурассказе» ставится вопрос о тракторах.

«Землю есть не будешь, а обрабатывать ее и на чем и нечем. Из 6 купленных станицей тракторов 2 достались кулакам, 1 совхозу, 1 колхозу и 2 куплены середняцким товариществом. Плывет из-под бедняка завоеванная земля — кулаку в аренду. Много оголодавшего народу уходит в города на заработки».

В станице — сообщается несколько выше в «полурассказе» — «800 здоровых и калеченных красных партизан». Из них, оказывается, в ячейке только четыре. Это — беда партии, что ей не удалось вовлечь в свои ряды лучшую часть бывших партизан. Долг каждого коммуниста — работать со всей энергией в направлении приближения основной массы бывших партизан к партийным организациям. Но для этого прежде всего со стороны коммуниста требуется ясное понимание того пути, по которому ведет наша партия деревню. Она перестраивает сельское хозяйство на социалистических на-

чалах. Она ставит ставку на коллективизацию сельского хозяйства.

Какова же установка «авторов письма», т. е. автора «полурассказа»? Партизаны *противопоставляются* не только кулакам, но и совхозу и колхозу. Вот, мол, смотрите, как скверно дело поставлено: трактора получили кулаки, середняки, совхоз и колхоз, а нам, партизанам-беднякам, ничего не досталось! Но разве в колхозах не бедняки? Разве совхоз — это враждебная бедноте сторона? Разве совхоз и колхоз могут быть поставлены на одну доску с кулаками? А, ведь, в «полурассказе» так это именно и получается!

«Авторы письма» (автор «полурассказа») мыслят помощь партизанам, помощь бедноте только в форме улучшения их *индивидуальных* хозяйств. Они не понимают даже того, что поняли середняки: они не видят необходимости объединения вокруг тракторов. В «полурассказе» имеется противопоставление и середняцкому объединению. Что же остается? Чего «авторы письма», выступающие от имени «рядовых коммунистов» партизан, хотят от советской власти? Очевидно, индивидуального снабжения бедняцких хозяйств тракторами. Но если бы это даже было осуществимо, то это, ведь, означало бы превращение этих хозяйств в зажиточно-кулацкие хозяйства. Но разве это тот путь, по которому может вести наша партия бедноту? Разве писатель-партиец, осуждая все иные пути, фактически должен агитировать именно за такой путь? Разве таким путем переводится сельское хозяйство на социалистические рельсы?

Но весь вопрос как раз в том и заключается, что Артем Веселый не видит всей необходимости именно в эту сторону направить мысль «рядовых коммунистов», мысль бывших партизан, мысль всей бедноты. Он своим произведением *организует сознание бедняков-партизан не в направлении пролетарского социализма, а в направлении индивидуального «устройства»*, если не сказать индивидуального обогащения за счет революции. Он и сейчас понимает революцию так, как ее понимали крестьянские массы в 1918 году: в смысле дележки, в смысле «черного передела» земли и инвентаря. А в настоящее время это есть уже *реакционная* точка зрения.

Земли обрабатывать нечем, — приходится «оголодавшему народу» идти в города на заработки. Но ищет ли автор «полурассказа» для этого «оголодавшего народа» действительно социалистического и в то же время реального выхода в самой деревне? Понимает ли он, что выход для бедноты, в том числе и для парти-

зан, лежит по линии колхозного и совхозного строительства? Нет, не видит, не понимает. Хочет этого Артем Веселый или нет, но получается так, что он организует сознание как раз тех партийцев деревни, которые не только не содействуют, но препятствуют нашему колхозному и совхозному строительству в деревне. Это — вне всякого сомнения.

«Авторы письма» не хотят колхозов и совхозов, не хотят даже тракторного товарищества по примеру середняков, — они несчастьем считают уход в наш город, в нашу промышленность на заработки. Что же остается? Остается только индивидуальное укрепление хозяйств, прежде всего, разумеется, тех, кто имеет наибольшие «заслуги революции», т. е. партизан.

Советская власть ни в коем случае не стоит на точке зрения игнорирования интересов индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств. Освобождение 35 проц. бедняков от сельхозналога, облегчение налоговой тяжести для середняков, целый ряд других практических мероприятий идет по линии облегчения положения индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Но весь вопрос в том, что не этот путь лежит в направлении нашей генеральной линии. Так социализма построить нельзя, и так существенно невозможно улучшить положение основной массы крестьянства. Пролетарское государство не может, а всякое иное государство никогда не захочет, сделать «счастливым» каждого крестьянина на своем клочке земли. Колхозы и совхозы в соединении с механизацией и кооперированием сельского хозяйства — вот единственный реальный путь к выходу основной массы крестьянства из положения нищеты и вечной нужды.

Артем Веселый всего этого не понимает. Он остался на старой «разделистской» точке зрения. Он невероятно отстал даже от тех сотен тысяч и миллионов крестьян, которые втянуты и с каждым днем все более втягиваются в колхозное и совхозное строительство. Ему мерещится крах революции оттого, что он не видит того нового пути, по которому идет ныне пролетарская революция в деревне. Он видит «в жизни нашей больше плохого, чем хорошего», ибо оценивает «плохое» и «хорошее» с точки зрения благополучия отдельного хозяйчика. И так как такого благополучия создать было невозможно, так как мы были не в состоянии построить каждому партизану новый домик, то это, по автору «полурассказа», и есть конец революции.

«Старая партизанская гвардия редет. Кто стал торговцем, кто бандитом, иные в жуки зарылись в землю и ничего кроме кучки своего дерьма не видят и видеть не желают, многих сломила нужда, и когда-то разившие грозного врага теперь, на мирном положении, сами попадают в плен к кулакам».

Так пишут «авторы письма», так пишет писатель-большевик Артем Веселый. Но сказанным он выносит окончательный приговор пролетарской революции. Для него, ведь, революция олицетворяется в образе партизана. «Старая партизанская гвардия редет», — это, по мнению Веселого, и означает, что революции приходит конец, ибо она только на Горбатовых, Сычевых, Подобедовых и держится.

Но неужели ничего положительного, живого, работоспособного не осталось от «старой партизанской гвардии»? Неужели нет у нас сотен и тысяч «старых бойцов», по-новому во имя того же дела революции работающих в армии, милиции, советском, хозяйственном, кооперативном, профсоюзном, партийном и т. д. аппарате? Неужели нет старых партизан, разорвавших с идеологией, приемами, навыками партизанщины, сохранивших в сердце нетронутым огонь бурных лет и втянувшихся в «мирную» по форме, но в ожесточенную по существу классовую борьбу на новом этапе? Конечно, есть, их имена знают рабочие и крестьяне, нередко их знает вся страна. Они, именно они — подлинники хранители великих и славных традиций военных годов.

Так почему же об этих «партизанах», об этих «старых бойцах» не говорит ни слова Артем Веселый? Почему он видит только «торговцев», «бандитов», «жуков» или людей, «сломленных нуждой»? Почему он замечает только одну сторону явлений, почему его «правда» однобокая, почему он подмечает только элементы разложения, распада, гниения? Да потому, что политическая установка у него в корне фальшивая, потому, что он расценивает все явления только лишь с точки зрения отношений даже не всего военного периода, а с точки зрения отношений лишь периода партизанщины.

Но партизанщина соответствует тому периоду нашей революции, когда деревня еще не успела раслоиться по основным линиям, когда борьба с помещиком объединяла всю или почти всю деревню, когда против помещика, наряду с бедняком и середняком, шел и кулак. Совершенно естественно, что и в партизанских отрядах было немало кулацкого элемента. Процесс создания регулярной Красной армии, процесс ликвидации

партизанщины есть одновременно процесс разрывания классовой борьбы между бедняцко-средняцким большинством деревни, с одной стороны, и ее кулаческим меньшинством, с другой. Кулаку не была нужна регулярная армия, — пролетарская революция без такой армии не могла победить, не могла начать строительство социализма.

Автор «полурассказа» никакого представления не имеет об этом классовом строе партизанских отрядов. Он не понимает социально-политического смысла борьбы между идеей партизанщины и идеей регулярной армии. Для него все вообще бывшие партизаны — величайшие революционеры. Он — *романтик партизанского*, т. е. того периода, когда демократическая революция еще перерастала в социалистическую. Поэтому он выступает идеологом партизан вообще, в том числе и кулаческих элементов партизанщины. Подобедов, например, — тип бунтующего против революции партизана, отражающего кулацкие настроения.

Итак — «кто топчет надежды наши»? «Авторы письма» отвечают: «орловские». Кто ж они такие?

«Посиживают они в холодочке, чай гоняют, о массе не думают, сами себя выбирают, сами себе жалование назначают. Что же это за звери такие?.. Красная сила толкнула и погнала из России белую силу. Хлынули с насиженных мест графы и графята, буржуи и буржуята... Возвращаться в свои орловские губернии они побоялись — там их знали в лицо поименно. Осели они в нас и полезли в советы, в тресты, в партию, в школу, в кооперацию и так далее; и так далее. Не отставали от них и местные контры, которые при белой власти вредили нам сколько могли... Орловские все глубже пускают корень. Дети их лезут в комсомол, а внуки в барабанщики... Орловские нас судят и рядят, орловские ковыряют нам глаза за несознательность, орловские нас учат и мучат».

По существу это есть картина полного социально-политического переворота, это есть победа белой контр-революции. Существуют ли «орловские» в природе? Имеются ли они в нашем аппарате? Да, существуют, иначе нам не приходилось бы предпринимать чистки аппарата, чистки партии. Но, ведь, чистим мы, чистят и вычистят навсегда эту мразь *рабочие-большевики!* А что получается по автору «полурассказа»? Получается так, что они уже почистили нас, большевиков! Но разве в действительности так обстоит дело? Разве так поставить вопрос не

значит совершить величайшее преступление перед революцией?

Пакосят ли нам «орловские», искривляют ли они нашу пролетарскую линию на практике? Да, это бывает нередко, особенно на Северном Кавказе, в Сибири, на Украине. Но *определяют ли линию*, дают ли *направление политике* орловцы? Это могут утверждать только люди ослепленные. Но, ведь, фактически такое именно утверждение содержится в «полурассказе» Артема Веселого! Ведь, основная установка этого литературно-политического документа только одна: все кончено, положение безнадежно, надо начинать сначала. Иного вывода нельзя сделать, если принять «полурассказ» Артема Веселого серьезно.

Однако, тут могут возразить следующее. «Авторы письма» — «рядовые коммунисты» — апеллируют к партии, в лице старого партизанского командира. Они боролись с Подобедовым. К сожалению, это возражение несостоятельно. Есть апелляция, которая в самой себе содержит выражение недоверия к инстанции, которая должна «жалобу» рассмотреть. Есть апелляция декларативно-агитационная, вроде того, когда Литвинов от той или иной комиссии Лиги наций «апеллирует» к самой Лиге. Нечто подобное имеем мы в рассматриваемом литературно-политическом документе. В самом деле, хороша же партия, которая допустила полную победу «орловцев», которая предала чорт знает кому людей, делавших революцию? И находящийся в Москве партизанский командир взят под подозрение. Указание, что командир занимает «хорошую должность», уже содержит в себе определенный намек, весьма прозрачный и очень мало обнадеживающий.

Борьба с Подобедовым. «Партийная дисциплина», на которую один раз уже сослались «авторы письма», обязывала к этой борьбе. Иначе пришлось бы им рвать с партией, а это пока они не считают возможным по разным причинам. Но *решающее значение* имеет, ведь, не техническая борьба с Подобедовым, а *его полная политическая защита*. «Авторы письма» целиком политически оправдывают Подобедова, считают его жертвой нашего режима, нашей системы.

Однако, будем считать, что рядовому коммунисту многое можно извинить, ибо он далеко не всегда может охватить картину в целом, ибо ему далеко не всегда видна общая линия развития, общая перспектива. Но *художник, в особенности художник-партиец, не заслуживает никакой «скиоки»*. Он обобщает, он политически

освещает явления—выступает в роли идеолога. Весьма вероятно, что в основу «полурассказа» Артема Веселого положено подлинное письмо подлинных партизан-партийцев, возможно, что все изложенные в «полурассказе» факты верны. Но политическая тенденция, но политическая идеология, вплетенная в «полурассказ», неверна с точки зрения большевизма. Но освещение фактов дано непролетарское. Вот в чем суть вопроса, вот что определяет наше отношение к литературно-политическим произведениям типа разбираемого нами «полурассказа».

Ведь как стоит вопрос? Не в том, конечно, дело, будто нельзя беспощадно и открыто вскрывать самые большие и самые больные язвы нашей жизни. Смоленщины еще много кругом. Чужих людей—«орловцев»—еще много вокруг нас. «Смягчать» что-либо в этом отношении, смазывать явления смоленщины—это самое вредное дело. Тут, по линии установления фактов, нам не страшны даже преувеличения. Факт не вырастет, он не станет вреднее от этого. Но внимание к нему будет приковано, в борьбу с опасными и враждебными явлениями мы вступим. А это главное. Плеханов говорил: сопротивление не страшно, когда есть историческая сила, способная его преодолеть. Сопротивление классового врага нам не страшно, ибо мы и есть историческая сила, способная его преодолеть. Нам нужно поэтому прежде всего видеть опасность полностью.

Нам обычно вредит и объективно позицию классового врага усиливает не то, что слишком много кричим об опасности,—нам вредит обычно как раз то, что часто совсем молчим, когда нужно кричать об ошибках и недостатках. Много еще в нашей среде самодовольства и безразличия, много тупой, подслеповатой ограниченности. Многими утрачено ощущение опасности, многие врастают в обыденщину и позволяют явлениям смоленщины и орловщины распускаться махровым цветком.

И писатель, который бьет тревогу по линии подобного рода явлений, писатель, который сигнализирует о притаившихся вокруг врагах революции, делает самое нужное, самое важное дело. И если бы «полурассказ» Артема Веселого был по этому признаку построен, если бы в нем мы имели только беспощадное обнажение

наших язв,—он заслуживал бы глубокой товарищеской благодарности. К сожалению, его «полурассказ» построен совсем иначе. Артем Веселый эксплуатирует наши недостатки для того, чтобы пропагандировать враждебную нам политическую установку, враждебную пролетарской революции идеологию. В этом отношении он объективно ведет ту же самую идеологически-вредительскую работу, которую на страницах «Красной Нови» ведут Сергеев-Ценский, Вс. Иванов, Пильняк и др. Эксплуатировать наши недостатки в политических целях мы не можем позволить никому.

В жизни нашей еще очень много плохого, но основное в ней хорошо: это основное заключается в том, что хозяевами жизни являются рабочие, что страной правит коммунистическая партия, что страна идет вперед по-нашему, что мы строим социализм. Вот это имеет решающее значение. Это должен был подчеркнуть художник-большевик в ответ на тяжелое письмо о тяжелых фактах и явлениях, если это письмо действительно было у него.

В жизни нашей еще очень много плохого. Кулак, нэпман, бюрократ, вредитель, опираясь на силу международной буржуазии, ставят социализму гигантские препятствия. Но руль государства находится в руках пролетариата, но на сцену выходят миллионы молодых, свежих сил. Эти миллионы ведут работу по индустриализации, по коллективизации страны. Эти миллионы увлекают за собой десятки миллионов по пути строительства социализма.

Ничего этого автор «полурассказа» не видит. Он даже ни единым словом не обмолвился о всей нашей гигантской строительной работе. О колхозах и совхозах он заговорил лишь в тоне недоверия и вражды. Вообще он сказал только то, что мог сказать десять лет тому назад мелкий собственник. Решающего значения новых явлений нашей жизни для него не существует. Он не видит развивающейся борьбы за коммунизм в нашей стране, он не видит мировой борьбы между капитализмом и социализмом.

И потому он дал нам правду кривую, однобокую, слепую—по существу правду врагов социализма.